

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИИ

Современная ситуация в исторической науке характеризуется переходными тенденциями. Отказ от старых догматических схем, введение новых документальных материалов в исторический оборот, применение новых (в том числе, математических) методов еще не позволили совершить решительный исследовательский прорыв. Но уже сейчас понятно, что произошедшие изменения и поиски современных парадигм исследования требуют синтетического соотнесения ранее отщепленных друг от друга подходов, превращения истории в подлинно гуманитарную науку, где живут и действуют живые люди с их нравами и характерами, а не какие-то безликие классы, социальные группы, элиты и страты. Большое будущее принадлежит исторической психологии, занимающейся изучением *«психологического склада отдельных исторических эпох, а также изменений психики и личности человека в специальном культурном макровремени, именуемом историей»*¹. Без государственного диктата, но при общественной поддержке современная стадия изучения российской истории может превратить историю в живую науку, где мыслят и действуют реальные люди со своими потребностями и интересами. И это живое знание по истории России не только обязано разрушить старые догматические схемы, но и должно позволить представить многочисленные факты и описания, содержащиеся в исторических трудах, в более упорядоченном виде и приблизиться к решению той задачи, которую ставят перед собой современные историки.

При этом исследователи истории интеллигенции всё яснее осознают, что при изучении исторических сюжетов мы оказываемся перед проблемой изучения Объекта, сравнимого с Исследователем по совершенству. Исследователь подходит к изучению такого Объекта в наивной убежденности, что мудрость Исследователя превосходит сложность Объекта. Однако на деле даже простейшее восприятие фактов оказывается обусловленным готовностью увидеть подтверждение уже сформировавшимся у нас гипотезам. За последние два десятилетия интеллигенция исследовалась чаще всего не как Объект, а как Предмет изучения. Понятия Объект и Предмет исследования не тождественны, хотя и выражают диалектическое единство объективной и субъективной сторон познания. *«В логическом значении Объект шире Предмета. Объект – это область действительности, на которую направлена деятельность ученого, а Предмет – это определенное звено в этом Объекте, требующее специфического подхода к исследуемому явлению»*².

По-прежнему доминируют сложившиеся в отечественной историографии представления об интеллигенции с двух точек зрения. Сторонники социо-исторического подхода определяют интеллигенцию как социальную группу (или прослойку между классами), состоящую из лиц, имеющих, как правило, высшее или среднее специальное образование и занимающихся, как правило, нефизическим трудом. Сторонники философско-культурологического подхода считают, что уровень образования и умственный труд не могут быть критериями для отнесения к интеллигенции. По их мнению, главной характеристикой истинного интеллигента являются высокие морально-этические качества. При этом оба подхода изучают интеллигенцию только как Предмет, а не Объект исследования. Используя классическую фразу *«То, что мы знаем, мешает нам увидеть то, что мы видим»*, можно констатировать: интеллигенцию как Объект еще предстоит исследовать.

Проведение в последние 10-летие исследования соотнесение понятий "интеллигенция" – "духовная элита", уточнение хронологических рамок создания прединтеллигенции, интеллигенции и высказывание позиции по вопросу о "ликвидации", "гибели",

¹ Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997. С. 15.

² Иванов В.В. Методология исторической науки. М., 1985. с. 25-26.

"уничтожении" интеллигенции, перерождения её в "образованщину" (А.И. Солженицын) позволили на основе подходов В.П. Зинченко рассматривать интеллигенцию как функциональный орган любого общества, как самореконструирующуюся социальную систему³. Во многом это продолжает догадку историков 1970-х – 1980-х годов о том, что интеллигенция не может не быть нетворческой. Постоянное развитие, самосовершенствование, творческие поиски выделяют интеллигенцию из других социальных групп. Отказ от творчества и саморазвития приводит к потере интеллигентом своего основополагающего признака при наличии высшего или среднего специального образования, при постоянном занятии нефизическим трудом.

Но в чем смысл творческой деятельности интеллигенции? Для чего существует интеллигенция, как функциональный орган любого общества, как самореконструирующаяся социальная система? Сторонники синергетики, на мой взгляд, совершенно верно обращают наше внимание на то, что Объектом изучения должны стать сложные системы, особенно находящиеся в отношении неустойчивого неравновесия со средой (к последним относятся и социальные организмы). Таким образом, в сферу внимания попадают нелинейные эффекты эволюции систем любого типа, кризисы и бифуркации – неустойчивые фазы существования, предполагающие множественность сценариев дальнейшего развития⁴. Исследователь, убежденный, что описывает выбранный Объект, видит лишь фрагмент его, далеко не всегда самый значимый, и не подозревает о том, что Объект во всей его сложности и целостности ускользает от его исследовательского внимания. Так побудительный мотив творчества интеллигенции остается во многом неразгаданным. Фактор выживания ли заставляет интеллигента заниматься сервиллизмом перед властью? Может быть, генетически приобретенный императив угодничества, конформизм движет интеллектуалами? Но какие пассионарные флюиды заставляют интеллигентов бросать безумный вызов прикармливающей её власти?

В этой связи можно попробовать по-новому оценить роль и место интеллигенции в жизни человеческого сообщества, ибо назначение интеллекта – создавать порядок из хаоса на основе приведения в соответствие индивидуальных потребностей с объективными требованиями реальности. На историков, занимающихся изучением феномена интеллигенции, ложится большая ответственность в донесении до массового сознания современного объективно-научного знания о значении этого социального слоя в истории цивилизации. Одним из наиболее продуктивных современных подходов в изучении истории интеллигенции может стать синергетика и рассмотрение данного социального явления через понятие хаоса.

В центре синергетики (как науки, как мировоззрения) стоит понятие фрактала. Это понятие является общенаучным и означает неустойчивое, переходное, быстро переходящее состояние эволюционирующего объекта, состояние промежуточное – между одним устойчивым состоянием и другим. Другое понятие – аттрактора (от лат. *attraho* – притягивающий к себе), фигурирующее в исследовании И. Пригожина, используется им для описания эволюции диссипативных систем; к таким, например, относится движение реального маятника, включающее трение. В отличие от идеального маятника (без трения), движение которого бесконечно, реальный – постепенно останавливается в положении равновесия: это положение и является аттрактором. Такая ситуация приводит к необходимости обобщения идеи аттрактора: он более не точка, а линия. В других случаях, пытаясь построить геометрическое изображение аттрактора, можно получить поверхность или объем. Полной неожиданностью стало открытие так

³ Зинченко В.П. Живое Знание. Самара, 1998.

⁴ См.: Назаретян А.П. Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. М., 1991; Пригожин И. От существующего к возникающему. М., 1985; Митина О.В., Петренко В.Ф. Динамика политического сознания как процесс самоорганизации // Общественные науки и современность. 1995. № 5; Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. М., 1995; Jantsch E. The Self-Organizing Universe. N.Y., 1980.

называемых *странных аттракторов*. В отличие от линии или поверхности, странные аттракторы характеризуются не целыми, а дробными размерностями. Они являются *фрактальными объектами*⁵. Открытие фрактальных объектов позволило по-новому взглянуть на удивительный мир форм, существующих в природе. Большинство из них не являются правильными геометрическими объектами, но могут быть охарактеризованы дробными размерностями.

Мы можем, наверное, отнести сюда и социальное поведение людей, где огромную роль играют установки (*attitudes*), характеризующие общий стиль мышления. Р. Айзер предлагает свой взгляд на исследование социальных установок как многомерных и сложных образований, постоянно подвергающихся изменениям во времени. Он считает естественным описывать их как нелинейные пространства, поверхность которых представляет собой фрактальные очертания⁶. Семантическая теория К. Харди использует идею аттрактора при описании функционирования семантических констелляций (от лат. *constellation* – взаимное расположение): последние организуют сходный предшествующий опыт. Значительные расхождения в контексте и параметрах этого опыта могут вызвать модификацию аттрактора и привести к бифуркации. Взаимодействие конвергентных* и дивергентных** сил такого рода обеспечивает гибкость соответствующих процессов, их способность к развитию. Например, при создании новых значений семантическая констелляция может разбиться на две суб-констелляции, содержащих конфликтные, антагонистические установки (или типы поведения) по отношению к одному и тому же опыту. Такое поведение констелляций обеспечивает психику способностью к выбору и адаптации⁷. Нетрудно представить, что при таком подходе границы семантических констелляций причудливо изрезаны, фрактальны, создавая тем самым «живой» пейзаж ментальной структуры человека.

Таким образом, в глобальном смысле основные элементы теории хаоса открывают возможности поиска если не универсального, то, по крайней мере, объединяющего принципа устройства мироздания на всех уровнях. В том числе, на мой взгляд, синергетика позволяет с современной научной точки зрения рассмотреть природу генезиса и эволюции такого сложного явления общественно-социальной жизни как интеллигенция. Уже многие десятилетия ведутся научные и околонучные дискуссии не только о природе данного явления, но даже о «каноническом определении» интеллигенции/интеллектуалов. Вышло немало работ философов, культурологов и историков, где предпринимаются попытки подвести итоги всех предыдущих научных изысканий и предложить нечто свое⁸.

Эти поиски «своего канонического определения» интеллигенции/интеллектуалов продолжают не только в российском обществоведении, но и за рубежом, ибо правильно определить понятие – это означает почти разгадать его природу. Польский социолог Ян Шепанский выявил более 60 различных определений и интерпретаций терминов интеллигенция/интеллектуалы⁹. Им же выделено три категории определений данного термина: Во-первых, по роли критических интеллектуалов и творческой интеллигенции в создании и защите высших и неизменных ценностей правды, красоты, добра и справедливости. Во-вторых, по роли в популяризации идей, создании мифов и идеологий, а также критикующих общественный порядок. В-третьих, как особого социального слоя,

⁵ Там же. с. 77 – 78.

⁶ *Eiser J. Richard. Attitudes, chaos and connectionist mind. – Cambridge, 1994. – p. 252.*

* **конвергенция** (от лат. *convergens* – сходящийся) – схождение, сближение.

** **дивергенция** (от лат. *divergere* – расходиться) – расхождение, варьирование.

⁷ *Hardy C. Networks of meaning: A bridge between mind and matter. – Westport – London, 1998. p. 6.*

⁸ См., напр.: *Возилов В.В., Назаров Ю.Н. Философия интеллигенции: Разум как революционная сила истории. – Иваново, 2002.*

⁹ *Szczepanski J. Inteligencja a spoleczenstwo. Warszawa, 1957. Szczepanski J. Intellectuals in Contemporary Societies. Stanford, 1961.*

играющего решающую роль в развитии культуры на основе определяющих признаков – высшее или среднее специальное образование и нефизическому характеру труда. Сам Ян Шепанский попытался дать всеобъемлющее определение интеллигенции/интеллектуалам, чтобы включить в него различные группы: *«Мы выделяем в интеллигенции категории интеллектуалов, создающих эстетические ценности; учёных, создающих интеллектуальные системы; специалистов различных типов, использующих теоретические знания для решения конкретных проблем; идеологов, которые создают и распространяют жизненную философию и политическую идеологию; вербальных техников, которые распространяют зарубежные идеи, комментируют и критикуют работу других людей и общественные институты других обществ»*¹⁰.

При этом, на мой взгляд, получилось не всеобъемлющее определение, а скорее перечисление в самом общем виде сфер преломления интеллектуального труда. Возможно, остается более верным и точным определение Л.П. Сверчковой интеллигенции как специфического субъекта духовного производства, социальная природа которого зависит от роли в общественной организации труда¹¹. Именно это дает нам основание утверждать, что *"в процессе развития любая социальная группа создаёт собственную интеллигенцию, представляющую из себя интеллектуальный слой данной группы"*¹². Эта функция интеллигенции как социальной группы обеспечивает связанность и гомогенность* общественной жизни, интеграцию индивида в существующие общественные отношения, она создаёт единство всех социальных групп, так как предполагает организацию и воспитание сознания, специальную разработку идеологических отношений людей. То есть интеллигенцией является слой людей любого общества, которые внутри социальных групп специально заняты разработкой идеологических связей¹³.

Если принять точку зрения, что интеллигенция является разработчиком идеологических связей в неустойчивых системах, то, скорее всего, она выступает в роли функционального органа, который переводит общественный фрактал, т.е. неустойчивое, переходное, быстро переходящее состояние эволюционирующего общества, состояние промежуточное – между одним устойчивым состоянием и другим, в состояние аттрактора, то есть постепенно останавливающееся в положении равновесия. Такой подход позволяет нам рассмотреть интеллигенцию не только как Предмет изучения, но и как Объект.

Любое общество находится в постоянной динамике, что приводит к его периодическим кризисам. Используя метафору о «маятнике Ахизера» можно предположить, что взаимопереходы от «авторитарности» к «соборности» в обществе во много связаны с попытками интеллигенции привести общество в состояние аттрактора. В этом состоянии наблюдается стремление значительной части общества сдвигать свои ценности, цели и действия в сторону продвинутого диалога, готовность Личности к толерантности. Категория толерантности характеризует не конъюнктурное утилитарное поведение человека, Личности, а содержание его исторически сложившейся нравственности, выстраданное предшествующими поколениями. Динамика толерантности определяется не внешними силами (действиями лидеров, политических партий, руководителей государства) или случайно изменяющимися обстоятельствами, а уровнем осознания личностью себя как реального субъекта. Воспитание и самовоспитание Личности в человеке задача достаточно трудная и порой мучительная. *«Быть субъектом трудно: не иногда и кое с кем, а всегда и во всем. И поистине быть субъектом – значит жить*

¹⁰ *Szczepanski J.* Die Intelligenz in der gegenwärtigen Gesellschaft. Frankfurt/M., 1966, s. 236.

¹¹ *Сверчкова Л.П.* Субъект духовного производства: методологический анализ. Л., 1988. С. 65.

¹² *Квакин А.В.* Современные проблемы изучения истории интеллигенции // *Проблемы методологии истории интеллигенции: поиск новых подходов.* Иваново, 1995. с. 8.

* **гомогенный** (от греч. homogenes) – однородный по составу.

¹³ См.: *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М., 1990. С. 334 – 336.

трудностями, проблемами, Вселенной, значит непрестанно и неутолимо жаждать их и никогда не насыщаться. Это значит любить сами трудности. Легче же – подменить свое субъективное бытие беспроблемным, инертным псевдо-непротиворечивым, уступая себя своего рода энтропии души и духа...»¹⁴. А это требует значительных усилий не только отдельного человека, но и тех, кто вырабатывает идеологические связи в обществе, т.е. интеллигенции.

Как показывает исторический опыт, разрыв между проблемами усложняющегося общества и недостаточной толерантностью мешает людям и всему обществу объединяться для решения жизненно важных проблем. Мера толерантности субъекта заполняет лакуны, всегда существующие в рамках определенного правопорядка, указаний, инструкций и законов, т.е. всегда существует определенная свобода выбора. Но «в сознании властвующей элиты и в массовом сознании социальный порядок чаще отождествляется с принуждением и насилием, нежели с законом»¹⁵. При этом необходимо помнить, что целый ряд факторов отечественной истории был неблагоприятен для формирования идей толерантности. Неоднократно в истории нашей страны разум превращается в рассудок, в здравый смысл, когда нравственность усыхает, и когда возможны выбросы культурно-варварской аннигиляции, отказ от идеи разума от пафоса культуры¹⁶. Постоянно на протяжении истории Отечества мы сталкиваемся с проявлениями нетерпимости, манихейства, ксенофобии. Российский философ В.С. Библер писал, что в результате серьезных социальных сдвигов в нашей стране «наружу сразу вырывается плазма доцивилизационных стихий...»¹⁷.

Преодолеть данный всплеск архаизации общества можно только через механизм общественной жизни раскрывающий (или наоборот подавляющий) возможности творчества. Творчество является результатом внутреннего диалога, который основан на диалоге с элементами мировой культуры независимо от места и времени их появления. Иными словами нужна квалифицированная, ответственная, свободная творческая личность. В связи с этим диалогизация общества является условием его воспроизводства во всё более сложных условиях. В решении этой задачи интеллигенция должна играть решающую роль.

При этом интеллигенция не представляют собой единого целого. На мой взгляд, можно согласиться с мнением современного российского исследователя А.Н. Севастьянова, который выделил в интеллигенции три слоя своеобразного конуса, верхнюю немногочисленную часть которого занимают идеологи, среднюю часть – пропагандисты, а нижнюю, самую широкую часть, – исполнители¹⁸. При этом условная «верхняя часть», наверное, ближе всего по своему содержанию с понятием «духовная элита», которая, по определению А.С. Ахиезера, представляет из себя «особый тип социальной элиты», это «социальная группа, стремящаяся, по крайней мере, в тенденции, творчески квалифицированно культивировать высшие ценности культуры, обобщать опыт мировой истории, стимулировать взаимопроникновение высших достижений национальной и мировой культуры... Она общается с основной частью народа через интеллигенцию, которая интерпретирует идеи духовной элиты для массового потребления, вкладывая в них иной, подчас прямо противоположный смысл»¹⁹. При такой трактовке речь идёт не о подмене понятий «интеллигенция/интеллектуалы» и «духовная элита», а об их взаимодействии и возможной интеграции с различными социальными слоями.

¹⁴ Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997, с. 257.

¹⁵ Яницкий Г.С. Социология риска. М., 203, с. 35.

¹⁶ Библер В.С. На гранях логики культуры. М., 1997. с. 295.

¹⁷ Там же. С. 347.

¹⁸ Севастьянов А.Н. Национал-капитализм. М., 1995. С. 135.

¹⁹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск, 1998. С. 162 – 163.

Практика показывает, что общественное сознание справляется со своими задачами более или менее успешно, когда ему удастся разрешить проблему объединения в условиях общественного хаоса однотипных локальных культур в одну общую культуру. Для русских, как отмечают многие исследователи, характерно существование групп, рассчитанных на длительное, спокойное и размеренное существование, где люди не притесняют друг друга, а движутся по своим, хорошо рассчитанным и соотношенным друг с другом орбитам, пересекаясь в четко определенных точках. Когда такой "космос" в группе налажен, и каждый человек знает его законы, тогда события, реакции и установки других становятся вполне предвидимы и ожидаемы, что дает каждому ощущение свободы. В. Вейде очень точно сумел передать свое видение этой свободы: *"В России, — пишет он, — по крайней мере, в старой России, было нечто, чего может быть уже нигде на свете нет: ощущение очень большой свободы, не политической, конечно, не охраняемой законом, государством, а совсем иной, происходящей от тайной уверенности в том, что каждый твой поступок твои ближние будут судить "по человечеству", исходя из общего ощущения тебя как человека, а не из соответствия твоего поступка закону, приличию, категорическому императиву*, тому или иному формально установленному правилу"*²⁰. Может быть, Вейде прав, и уже нигде в мире такой группы больше нет, но принцип ее, но тяготение к ней осталось в нас, в наших архетипах**. Мы плохо переносим отношения, в которых большое место занимает конкретность общения, как у большинства современных американцев. И напротив, хорошо чувствуем себя в такой группе, которая "лезет" в наши личные дела, копается в наших взглядах и мотивах, пытается формировать нашу личность. Мы позволяем ей это, мы даем ей такое право. За какие же такие преимущества? Хотя бы даже за один простой факт уверенности в том, что, если я запутаюсь в каких-то несчастливо сложившихся обстоятельствах, если всё будет против меня, то моя группа, отвергнув очевидные факты и вещественные доказательства, не даст мне пропасть. А толерантность указанной группы проявляется в том, что в ней человек может быть самим собой, таким, каков он есть: играть роль и показывать себя кем-то, заранее придуманным, здесь просто невозможно, а, следовательно, остается один вариант — чтобы тебя приняли в том виде, в каком ты сложился на данный момент, — со всеми недостатками, огрехами, слабостями. И если уж примут, то всё остальное определено. Можно вести себя естественно, говорить то, что думаешь, совершать ошибки и исправлять по ходу дела, поучать других и время от времени самому получать нагоняи. Это означает, что каждый человек в такой группе занимает совершенно своеобразное, индивидуальное, специально для него созданное "место", или "положение", тщательно учитывающее особенности его характера, структуру его способностей и все его установки. Но из этого, в свою очередь, должно следовать, что и вся система отношений в группе также индивидуальна, неповторима, поскольку она должна интегрировать все эти особые, для каждого данного человека «по заказу изготовленные положения». Это такая группа, которую невозможно стандартизировать, поставить на конвейер и штамповать в поточном порядке. Она изготавливается каждый раз «вручную», и изготовление ее — это сложная задача, требующая умений и навыков, которые получает человек в процессе воспитания в качестве глобальных установок. Чарз Кули в своей работе "Человеческая природа и социальный порядок" сформулировал такое соотношение: *"Для человека хорошо, если он будет открыт настолько, и будет брать из жизни столько, сколько он*

* **императив** (от лат. imperatives – повелительный) – требование, приказ, закон.

²⁰ Вейде В. Задача России. Нью-Йорк, 1956. С. 127

** **архетип** (от греч. arche – начало + typos – образ) – изначальные, врожденные психические структуры, образы (мотивы), составляющие содержание так называемого коллективного бессознательного и лежащие в основе общечеловеческой символики сновидений, мифов, сказок и других созданий фантазии, в том числе художественной.

способен организовать в *консистентное** целое, а что сверх того, то уже нежелательно... Симпатия должна быть избирательной"²¹. Если применить этот принцип к общению и к происходящему в этом общении обмену идеями и формированию личности, то, по-видимому, наш соотечественник явно предпочитает обилию и разнообразию впечатлений-элементов законченные системы. Поэтому он склонен брать много от немногих, в первую очередь от представителей интеллигенции. В идеале наше общение тяготеет к модели, которая некогда имела в нашей культуре большой вес и довольно широкое распространение, а именно — к отношениям "старец-послушник" (или "послушники"). Человек выбирал себе идеального учителя, приходил к нему, брал обет безусловного послушания, старался уподобиться ему и формировал себя как Личность. При этом упор делался на послушании, но большее значение имел также *выбор*, в котором послушник был совершенно свободен. Удивительно для нас, детей XX века, который в ранг кумира и высшей ценности возвел понятие "Личность", насколько люди, по-видимому, никогда не употреблявшие этого понятия, не произносившие красивых слов об уникальности, неповторимости, микрокосме и так далее, насколько они *более уважительно* относились к делу выработки самой Личности. Они отказывались не только от развлечений, но и от насущнейших потребностей, для того чтобы полностью посвятить себя важному делу — стать Личностью, принять личность как эстафету от достойнейшего и передать ее дальше — следующим поколениям. Они спасали свою душу, но одновременно они выполняли огромную культурную работу: они выбирали и передавали *идеалы*. Идеал, по Кули, это *"гармоничная и созвучная нашему духу реконструкция элементов опыта... Его активная функция — символизировать и определять желательное и тем самым делать его объектом намерений"*²². Культура представляет собой комплексы идеалов или систему принципов, *"которые должны постоянно стимулировать лучшие чувства человека и обеспечивать схему или строительные леса для внушений, помогая ему организовать свое мышление"*²³. Один человек не может выработать такой системы, никому не под силу такая работа, а потому *"социальный опыт — это проблема контактов представлений, а не физических контактов"* и представление о том, что *"видеть жизнь" — это значит передвигаться с места на место и делать множество очевидных вещей — это иллюзия, свойственная вялым умам"*²⁴. *"Развитие персональных идей посредством взаимодействия предполагает рост силы симпатии и включения в (а также участия в) сознании других людей"*²⁵. Вот это "участие в сознании" друг друга и есть интимнейшая сторона и глубочайшая суть группы первичного типа, которая всегда предполагает диффузное* общение. Только при глубоком и безусловном доверии, при хорошем знании всех особенностей и сильных сторон "другого", при уверенности в своей ценности для него — только при всех этих, а также многих других условиях возможно естественное и плодотворное общение не только по линии общих дел, не только в сфере чувств и эмоций, не только по поводу тех или иных конкретных идей, но на уровне самой сердцевины сознания, на уровне "я", так что, в конечном счете, мы так проникаемся *"представлениями о мыслях и чувствах других членов данной группы и о группе как целом, что, можно сказать, мы фактически делаем*

* **консистенция** (от лат. consistere – состоять) – характеристика подвижности (густоты, вязкости) жидкости или аморфных веществ.

²¹ Cooley C. The two major works: Human nature and social order. Glencoe, 1956. P. 147.

²² Cooley C. P. 393.

²³ Cooley C. P. 399.

²⁴ Cooley C. P. 139 – 140

²⁵ Cooley C. P. 136.

* **диффузия** (от лат. diffusion – распространение, растекание, рассеивание) – движение частиц среды, приводящее к переносу вещества и выравниванию концентраций или к *установлению равновесного распределения* концентраций частиц данного сорта в среде.

их частью своего "я" и идентифицируемся с ними в своем самоощущении"²⁶. И разве не то же самое утверждал отец Павел Флоренский, что в природу любого духовного порыва *"непрерывно входит требование выйти из субъективности, воплотиться во внешнем мире и продлиться возможно дольше"* и если на пути к этой цели *"от желания воздвигнуть молитвенную мельницу не отличается таковое же — построить храм, позолотить купола и так далее включительно до мирских запечатлений в веществе — духа: написания картины, напечатания и размножения поэмы и опубликования научного открытия"*, если во всем этом, *"в самой глубине чистейшего духовного движения содержится импульс к переходу во вне и к возможно прочному закреплению себя в мире"*, то носитель нашей культуры больше всего склонен закреплять себя в своеобразном материале, а именно — *в других людях*. Удвоить, утроить себя — вот задача, достойная решения. Приобретая в людском хаосе друга, человек передает другому свою *личность* со всеми ее качествами, на которых, как мы видели, сосредоточено основное внимание при описании *идеалов*, которыми следует руководствоваться на пути к праведности. Качества передаются от человека к человеку, личность формирует личность, лепится идейный аттрактор — так создается и существует наша культура. И здесь особая роль всегда принадлежала интеллигенции, как особому функциональному органу, организующему стихию межличностных отношений.

Когда наши соотечественники говорят: «Терпение и труд всё перетрут», — имеется в виду ни много, ни мало, а именно *всё*, все сферы жизни человека, которые, однако же, неравноценны. Сфера, создаваемая и устраиваемая трудом, — это сфера земного, материального благополучия. Но поскольку сама эта сфера не котируется высоко, то и труд, как средство созидания в этой сфере, нигде не ставится в один ряд со спасением и терпением. И в этом сознание нашего народа полностью единодушно с православной религией, которая в отличие от протестантизма, видящего в труде смысл и предназначение человека в мире и главное средство очищения и созидания его души, отрицает за трудом такое значение. Этого большей частью не понимали наши интеллигенты-мыслители. Им все казалось, что просто *"вчерашний крестьянин"* еще не привык к новым условиям труда и промышленности или *"разбаловался"*, дезориентирован, или не заинтересован и потому не проявляет особого интереса к труду. Достаточно, следовательно, заинтересовать его, показать, перевоспитать — и он полюбит труд и станет *"нормальным"* европейским народом. Тогда к нему с полным правом можно будет применить известное клише: *"трудолюбивый и талантливый"*. Трудолюбие есть в нем, и он его проявляет, и таланты есть (они есть в каждом народе), но не это составляет его лицо. Терпение и страдание — способ формирования личности, выработки сильного духом *"непадающего"* деятеля. В этом своем качестве они признаются всем христианством вообще, во всех его разновидностях, в том числе и нашей культурой, прочно усвоившей христианство. Но для нашей культуры — это только один слой, довольно поздний по времени. А если заглянуть *под* него, то можно нащупать и более древний слой, в котором терпение и самоограничение являются не только способом завоевания свободы духа, но имеют и более глобальное значение — принципа существования, поддержания гармонии и установления равновесия в мире. Этот аттрактор, должно быть, один из самых древних способов существования. Леви-Стросс говорит о первобытных обществах, что они *"эксплуатируют природную среду так, что это гарантирует скромный уровень жизни и вместе с тем защиту природных ресурсов. Их системы брачных правил имеют в глазах демографов то общее, что они до крайности ограничивают рождаемость и поддерживают ее на постоянном уровне. Их политическая жизнь основана на единодушном согласии и допускает только единодушные решения. Она как бы исключает использование в своих целях различий*

²⁶ Cooley С. Р. 136.

между властью и оппозицией, между большинством и меньшинством"²⁷. Это — способ существования суровый, но рассчитанный на вечность: при такой системе окружающей, природной и социальной, хватит на всех и очень надолго, практически навсегда. Эти общества не нацелены на развитие, движение в каком-то определенном направлении: они существуют в вечности. И человек, живущий в таком обществе, также привыкает воспринимать себя с точки зрения вечности. А на этом фоне человеческое существование очень кратко и эфемерно*. В контексте современной жизни и культуры, когда мы думаем о краткости и ограниченности человеческого существования, нам становится грустно и страшно. Но это происходит, по-видимому, оттого, что мысль эта непривычна для населения. Обычно мы живем так, как будто нам уготована бесконечная жизнь впереди, наше будущее переполнено целями и планами, многие из которых с точки зрения вечности показались бы мелкими и суетными, но мы относимся к ним серьезно, а о смерти стараемся вовсе не думать, прогоняем от себя эту мысль. Но бывают такие периоды, когда человек вынужден стать лицом к лицу с вечностью. Этой же общей ориентированностью культуры на вечность объясняется и отсутствие в ней разработанной временной перспективы и вообще временного измерения. Будущее в своих основных чертах должно быть похоже на настоящее, из прошлого же закрепляются в памяти только обобщенные вехи, имеющие значение в вечности, — всё остальное опускается как несущественное.

Мысль всегда направлено на будущее. А этом каждодневная надежда человека на воспроизводство выживаемости, жизнеспособности. Но в этом заключена и серьезная опасность. Мысль может стать проводником утопий, исторической инерции, рхаичных мифов, возможно приобретающих псевдонаучные формы «исторической необходимости», что несет угрозу сложному динамическому обществу, несовместимому с архаизацией. Для ее преодоления в современном мире необходим массовый переход к диалогическому разуму. Эта проблема не решается образованием, приобщением к историческому богатству культуры, а требует массовой способности творческого выхода за рамки сложившейся культуры.

В нашей культуре нет ориентации на прошлое, как нет ее и на будущее. Никакого движения, этапов, промежуточных ступеней и точек не предполагается. Отсюда та характеристика, которую так точно подметил в ней Н.А. Бердяев: апокалипсичность** мышления, внеисторичность его. Историчность (которую в данном случае Бердяев отождествляет с культурой вообще, поскольку для него "культура" — только то, что соответствует западноевропейскому представлению о культуре, всё остальное — вне культуры) "предполагает, что за серединой жизненного процесса признается какая-то ценность, что значение имеет не только абсолютное, но и относительное"²⁸. Вот этой историчности изначально нет в культурах, ориентированных на вечность. Это и понятно: какая же относительность в вечности — в вечности может оставаться только абсолютное. Отсюда — невероятная трудность и сложность реформации в ареалах таких культур. Они очень сильно сопротивляются всякому изменению. Когда же, наконец, происходит сдвиг сознания, он касается ни много нимало абсолютных точек отсчета. Тогда культурные скрепы распадаются вообще, изменение приобретает неконтролируемый, хаотичный, страшно разрушительный характер: апокалипсическое сознание "устремляется к концу, к пределу", минуя всю середину жизненного процесса"²⁹. Противоречивость менталитета русской культуры формирует стабильное устремление выбиться из пленения дуальных

²⁷ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1980. С. 113 – 114.

* **эфемерный** (от греч. ephemēris – однодневный) – мимолетный, призрачный, нереальный.

** **Апокалипсис** (от греч. apokalypsis – откровение) – откровение Иоанна, одна из книг Нового Завета, где содержится пророчество о «конце света», о борьбе между Христом и антихристом, «Страшном суде», «тысячелетнем царстве Божьем». Здесь апокалипсичность – что-либо гибельное для мира, для цивилизации.

²⁸ Бердяев Н. Духи русской революции // Из глубины. М., 1991. С. 61.

²⁹ Бердяев Н. Там же. С. 62.

противоречий, одолеть внутренне-конфликтное строение "скачком", "рывком", "взрывом" — за счет радикального перехода в новое, совсем даже неподготовленное, внезапное качество. Отсюда — ординарный для русской общественной истории "катастрофичность" темпа и ритма национального развития, прерывность исторического процесса, сопровождаемая крутой ломкой социокультурных парадигм*, переменой типов цивилизации на протяжении кратких отрезков времени³⁰. Тем не менее, надлежит направить внимание на принципиально значительное замечание П.А. Сорокина: *"Если сравнивать частоту, интенсивность, долговременность, степень разрушительности и насилия революционных и других важнейших социополитических волнений, то русская нация едва ли будет выглядеть более революционной и "склонной к беспорядкам" в период с XII по XX столетия по сравнению с большинством европейских наций, Древней Грецией, Римом и Византией. Однако, ...эти отличия трудноизмеримы и разнятся от страны к стране в различные исторические периоды; каждая нация бывала "революционной" и "склонной к беспорядкам" в одни периоды своей истории, и в то же время вела себя вполне "спокойно" в другие периоды. Это доказывает лишь то, что широко распространенное мнение об особой "склонности к беспорядкам" и особом "революционизме" русского народа является пропагандистским стереотипом, запущенным в употребление политическими противниками русской нации, царского и советского правительства"*³¹.

В последние десятилетия появился ряд крупных работ, исследующих такого рода "апокалипсические взрывы", сопровождаемые восстаниями и движениями больших масс³². По мнению авторов данных исследований, толчком, развязывающим апокалипсические взрывы, социальный беспорядок, является всегда не желание масс что-то "улучшить" или что-то "устранить", а кризис ориентации, общественный хаос, распад традиционных ценностей и традиционного образа жизни, нарушение "нормального" состояния общества или отклонение от него. Речь идет всегда не о том, чтобы чего-то "достигнуть" или ввести, а о том, чтобы восстановить что-то утерянное, нечто естественное как воздух, что всегда было и всегда *должно быть*, о том, чтобы вернуться, но не к прошлому, предыдущему (в таких категориях не мыслит апокалипсическое сознание), а к *норме*, к естественной модели своей культуры. Очень наивна широко распространенная точка зрения, что народ "бунтует", когда он находится в "невыносимых условиях" (под которыми обычно понимаются материальные условия существования). Народ может вынести необычайно много, если в его сознании эти тяготы обоснованы. Причем обоснованием их не обязательно должна быть, например, война, неурожай или другие стихийные бедствия. Народ в те периоды, когда он находится под влиянием нашей древней (и менее древней — православной) культуры, — вообще склонен считать аскетизм и всякое воздержание ценностью, так сказать, основой жизни. Отец Александр Ельчанинов так осмысляет эту точку зрения: *"Почему всякое "наслаждение", "сладость" — грех? Потому что момент наслаждения, есть момент усиления личного самочувствия, и чем острее наслаждение, тем глубже мой разрыв со всеобщей гармонией. От наслаждения — к самолюбию, от самолюбия — к разложению, от разложения — к смерти"*. Другими словами, переживание наслаждения уводит человека вглубь себя, к себе самому, обращает только на себя, отрывает от других, индивидуализирует — чем и разлагается гармония целого, ведет к хаосу. Напротив,

* **парадигма** (от греч. *paradeigma* – пример, образец) – исходная концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе.

³⁰ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.

³¹ Сорокин П.А. Основные черты... С.482.

³² Норман К. В поисках тысячелетнего царства: Революционные милленарии и мистические анархисты средних веков. М, 1970; Колаковский Л. Христиане без церкви. М., 1961; Мюльман В. Революционный мессианизм третьего мира. М., 1968.

посредством воздержания и самоотказа я эту гармонию поддерживаю. А ещё проще: мир существует и правильно движется только нашими жертвами, нашим терпением, нашим самоограничением. Интеллигент, привыкший всегда уделять много внимания своей собственной, индивидуальной внутренней жизни, приходит к таким состояниям в исключительных обстоятельствах. Народ же, крепкий в своей древней культуре, всегда считает тягу к наслаждению, к эйфории чем-то греховным. Поэтому в стереотипы культурного поведения нашего этнического комплекса не входит яркая мажорность, проявления веселости, уверенности в себе. Они все окрашены в более мягкие, сдержанные, пастельные тона. Всестороннее изучение русского характера, менталитета* и архетипа позволит лучше понять и оценить эти процессы.

Недостаточное развитие способности творческого выхода за рамки сложившейся культуры усиливает риск для субъекта оказаться неспособным эффективно ответить на вызов российского опыта XX века, главными событиями которого были две национальные катастрофы. Проблема, однако, в том, что духовная элита лишь показывает определенную возможность, вектор решения проблемы, методы их реализации, но конкретизировать, развивать, решать саму проблему могут лишь Личности, самоорганизующиеся под руководством представителей интеллигенции в малые группы, в общество. Путь к истине труден и долог, освоение результатов прохождения данного пути также нелегко, что раздражает многих тем, что требует выхода за рамки расхожих повседневных представлений. И это можно понять. Но следует осознать и то, что без освоения нарастающего в разных точках интеллектуального богатства страны и народы, всё Человечество не смогут справиться с нарастающими опасностями конфликтов, их реальным и потенциальным перерастанием в катастрофу.

Современное гуманитарное сознание постепенно приходит к выводу, что без развития Личности не может быть и развития Человечества. Ликвидация прежней конфронтации миров, идеологий, классов, наций создает возможности для нового осознания ценностей, отличных от прежнего расово-религиозно-националистического понимания. Поэтому возникла потребность по-новому взглянуть на развитие цивилизации, человечества и человека. Ведь прежние исторические схемы казались логически непротиворечивыми и убедительными именно потому, что их действие не предполагало участия Человека, Личности, полностью исчезавшего в этом качестве внутри абстрактных классовых, конфессиональных или цивилизационных сил. А поворот к Человеку, признание его во всей сложности развития человеческих потребностей, мотивов, эмоций, духовных исканий центром исследования заставляет гуманитариев обращаться к новым для них понятиям «расплывчатых множеств», «плохо сформулированных задач», «размытых определений» стремиться к установлению более тесных связей между смежными гуманитарными науками.

При этом историки интеллигенции сегодня ощущают еще и специфические сложности, связанные с тем, что, пытаясь созерцать свой Объект исследования со стороны, они не перестают между тем быть частью данного Объекта, на личном опыте их сказываются эволюционные процессы, происходящие в интеллигенции (используя метафору В.П. Зинченко, интеллигенция – это постоянно самореконструирующийся в полете самолет). И современный историк интеллигенции не может не слышать обращенных к нему вопросов всей интеллигенции, для которой сегодня жизненно важно уяснить уроки своего прошлого, осознать свое место в обществе и увидеть перспективы общественного развития и оценить свою роль в нем.

* **менталитет** (от лат. mentalis – умственный) – ментальность – образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе.